

Борис Левандовский

Вампокалипсис: Третья кровь

Борис Левандовский

Вампокалипсис: Третья кровь

«Автор»

2011

Левандовский Б.

Вампокалипсис: Третья кровь / Б. Левандовский — «Автор»,
2011

«„Когда угодно... но не теперь...“ Голоса и узоры. Только голоса и узоры.
Третья кровь... — произнес в ее голове незнакомый безликий голос, и Белла
вздрагнула».

© Левандовский Б., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Лора (Киев, Новая Дарница)	9
Виктор (Киев, мост Патона)	13
Стас Вишнит; Ползун вернулся (Киев, Новая Дарница, август)	18
Марк Рубан (Львов, Левандовка)	24
Белла (Львов, Левандовка)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Левандовский

Вампокалипсис:

Третья кровь

Пролог

...Когда видишь оранжевый свет

В летних сутках укрыты особые минуты, когда солнечный луч, изломляясь на склоне небесной призмы, погружает мир в янтарные тона скорого заката. Где-то тут, в самой потаенной лакуне времени, лежит вечное Пограничье между угасающим днем и близкими сумерками. То – скользящая тень древнего глашатая ночи, сполохи давно угасших костров, минуты, когда прошлое устремляется вдаль, оставаясь навсегда неизменным, а будущее – уже приоткрыто, но еще не определено, долгий миг, в котором распылены эпохи бесчисленных миров. Миг, когда видишь оранжевый свет...

Этот свет видит Марк Рубан, двадцати семи лет от роду, видит так ясно впервые в жизни. Он стоит в центре комнаты лицом к окну, откуда льется неземное оранжевое сияние, а лезвие в его правой руке все еще продолжает медленно рассекал вены, погружаясь в изгиб левого локтя. Кровь двумя нитками мелких рубинов достигает пола, растекаясь у его ног, но он не замечает этого, так же, как не замечает сейчас и своего безотчетного движения лезвием. Виной тому странный оранжевый свет в окне, наполняющий его сердце невыносимой тоской какой-то огромной утраты и парализующим страхом... словно всего минутой раньше он сам не думал выставить счет жизни, подведя над итогом красную черту. И вот теперь лишь лезвие бритвы в его руке способно помнить начало пути.

От внезапного ужаса замирает молодая женщина по имени Лора, не чувствуя толчков прохожих, не слыша криков посторониться, словно ее ноги примерзают к тротуару, – в городе с другим названием, более чем в пятистах километрах от Марка Рубана, о котором она ничего не знает и, конечно, знать не может. Но причина в том же ярком нереальном свете близкого заката, цвета спелого мандарина, который случается, может, всего несколько раз в году и всегда летом. Здесь он еще сильнее, насыщеннее. В ее памяти им пронизаны самые счастливые мгновения жизни. Были когда-то. Потому что сейчас все вдруг переменялось. Или в действительности все изменилось гораздо раньше, месяц назад, точнее, тридцать восемь дней, а она осознает это именно теперь?

Виктор, наблюдает за своим четырехлетним внуком, бегающим по детской площадке в медно-золотых лучах низкого солнца, – его глаза наполнены теплом чуть грустной любви и памятью собственного детства, как могут быть наполнены только глаза пятидесятишестилетнего мужчины, следящего за игрой маленького сына давно повзрослевшей дочери. И вдруг понимает, что все лицо мальчика – его мальчика! – заливают кровь. Она заливают руки и даже одежду. А тот почему-то продолжает бежать через площадку, все так же бежать на фоне взлетающих к небу качелей, и его смех по-прежнему как ручей вливается в голоса других. Виктор пытается закричать. И не может.

«Нет», – произносит Белла так тихо, что едва способна услышать себя сама. Ее взгляд прикован к оранжевому лучу, который пробивается сквозь узкую щель в оконных шторах и движется по комнате, невероятно быстро – к ней. Белла отчего-то решает, что, если он ее настигнет, то она непременно умрет в этом году. От рака или в автокатастрофе. Или от чего-то еще. На самом деле луч неподвижен, но Белла, названная родителями в честь старой подруги

матери, которую видела только на фотографиях, уверена, что эта полоска ядовито-цитрусового света преследует ее. Как марсианский луч смерти – приходит неведомо откуда сравнение – марсианский луч смерти, оставляющий за собой отвратительные, медленно гаснущие и вызывающие дрожь узоры на всем, к чему прикоснется. «Нет», – повторяет Белла, будто в гипнотическом трансе. *Нет.*

Из Стаса Вишнита извергается звучный горький поток, берущий истоки в четырех литровых бутылках пива, которые он влил в себя после ухода с работы, и он готов безоговорочно верить любому, кто объявит о конце света. Ну ясно ведь, как божий день. Еще пара таких спазмов (впрочем, хватит и следующего), и он запросто сможет любоваться собственными кишками на асфальте, пока небеса не закроют весь мир заодно с ним. В крайнем случае, если дело слегка затянется, конец наступит завтра утром – когда руководство фирмы озвучит официальный приговор. Стас Вишнит может процитировать его почти дословно хоть сейчас, потому что чудес не бывает, во всяком случае, таких чудес. Он заставляет себя в несколько рывков распрямиться над остро пахнущей лужей пивной блевотины; смаргивает с ресниц невольно выступившие слезы. Потом озирается вокруг, так, словно, пока он вел трудные переговоры с желудком, его перенесли в совершенно незнакомое место. Он с ужасом успевает подумать, что в действительности до сих пор было не так уж и дерьмово... и тонет в оранжевом сиянии.

Для него это лишь миг – долгий миг, когда видишь оранжевый свет.

* * *

Женщина, севшая в предложенное кресло, по оценке Альберта Рубинштейна была ничто лишена всякой внешней привлекательности. Круглое, луноподобное лицо, зачесанные назад и собранные в простой хвост волосы тусклого сероватого оттенка, полное отсутствие макияжа, даже намек на косметику. Ее невыразительные бледные губы чуть трогала едва заметная улыбка в стиле Монны Лизы.

Нет, не лидер – решил он, очередной раз скользнув взглядом по лицу гостьи; схожесть с картиной да Винчи, если и была, то уже исчезла, не оставив улик, – и ей никогда не стать лидером. Просто еще одна случайная жертва «Десяти уроков на салфетках». Типичные дрова для растопки. Хотя... чем их больше в начале, тем быстрее забурлит котел.

Рубинштейн чуть подался вперед над столом, кресельная кожа под его задом едва слышно скрипнула, хорошо выдрессированные мышцы лица, повинувшись мозговому сигналу, автоматически вытеснили из глубины подобающую случаю улыбку.

– Это лучшее решение из всех возможных, которое вы могли сегодня принять. Если вы побывали на одной из наших презентаций (он все еще не мог вспомнить, видел ли когда-нибудь ее среди присутствовавших в зале), то, наверное, уже знаете, что у тех, кто первыми откликается на приглашение молодой компании, гораздо больше шансов быстро построить успешный бизнес в эм-эл-эм. Я также надеюсь, у вас не возникло каких-то неясностей по поводу вступительного взноса, тем более что он не так велик, как во многих других компаниях, и скорее носит символический характер. – Не прерывая своей тирады, Рубинштейн опустил правую руку в один из четырех ящиков стола. – Вообще-то, контракт можно было подписать еще в зале, сразу после окончания презентации, либо у моего секретаря. Но, учитывая обстоятельства... мы, будем говорить, только делаем первые шаги...

Три чистых экземпляра контракта на самокопирующей бумаге плавно легли на стол.

– Я, как президент компании «Новый свет» (Рубинштейн далеко не впервые за эти дни отметил, что название... ну, немного пафосно, что ли. Впрочем, менять его все равно было уже слишком поздно), рад лично приветствовать вас в числе наших новых дистрибьюторов. Госпожа?..

– Элея.

Голос посетительницы оказался внезапно звучным, с мужскими обертонами, и твердым, будто высеченным из арктического плейстоценового льда; отпружинил в висках, завибрировал в пломбах. Странно, что он раньше не обратил внимания, когда гостья только вошла и поздоровалась. «Господи, ведь как же я устал, даже и не поймешь сходу насколько», – Рубинштейн, пытаясь скрыть моментальное удивление за выражением несомненной правильности происходящего, почти торжественно развернул незаполненный дистрибьюторский договор и придвинул к другому краю стола.

– Честно говоря, никогда раньше не слышал такого имени – Элея. Очень красиво и, я бы даже сказал, необычно. Мою мать, например, звали Леонила, тоже довольно редкое имя. – Предыдущие десять лет работы в пяти компаниях многоуровневого маркетинга научили Альберта Рубинштейна машинально подключать к разговору любые объединяющие его с собеседником темы. В действительности имя его матери принадлежало к самому распространенному списку, ну и что с того? Крайняя усталость, впрочем, делала его не таким словообильным, как обычно. Похоже, свой сегодняшний лимит он исчерпал еще на презентации, сея зерно Великой идеи в мозги потенциальной паствы и одновременно пытаясь предугадать будущий урожай.

– Относительно вашего информационного спонсора... я думаю, вы не будете ничего иметь против, если я выберу его на свое усмотрение. Обычно у нас так не принято, поскольку эта роль лежит именно на том человеке, который пригласил вас в бизнес. Его имя и должно значиться в контракте. Но, поскольку...

– С чего вы взяли, что мне нужен этот ваш контракт?

– Нет? То есть... – Рубинштейн воззрился на посетительницу, однако его изумление было весьма сдержанным – успели сработать аварийные механизмы. И вновь натолкнулся на ее бесстрастную улыбку, словно она намеренно копировала особу с известного полотна. Эта ускользающая улыбка вызывала у него раздражение, даже когда...

«Ах, вот оно в чем дело!» – спохватился Рубинштейн в конце несколько затянувшейся паузы. Буквально вчера, правда, при совсем иных обстоятельствах, он уже имел удовольствие пообщаться с парочкой матерых «сетевиков», желавших отхватить особые привилегии – выходящие за рамки, предусмотренные планом маркетинга, – поскольку речь шла о готовности переметнуться к нему со своими командами дистрибьюторов из других компаний; он обещал подумать над предложением, и совершенно искренне: в некоторых хорошо известных ему «конторах» именно так и поступали, формируя верхнее звено лидеров.

Вот только... сидящая напротив него особа никак *не могла* являться лидером какой бы то ни было сети: *таких* Рубинштейн безошибочно чувствовал за милю.

– Так что же вам от меня нужно?

– Ваша компания, – лицо гостьи по-прежнему хранило выражение полной бесстрастности. – Да и вы лично, возможно, еще будете полезны. А может, и нет.

– Ох, вот это да! – рассмеялся Рубинштейн, сообразив наконец, что визит этой, как-там-бишь-ее, Элеи (если такое имя вообще существует в природе) – просто розыгрыш. Он даже испытал некоторое облегчение. Конечно, дважды или трижды он сам участвовал в чем-то подобном. Последний раз около года назад, по просьбе знакомого «рубина» из «Амвей».

– И что же от меня требуется?

– Согласие.

– И всего-то? Хорошо, хорошо, нет проблем. Я согласен, – смеясь и поднимая руки, как учитель, призывающий класс к тишине, закивал Рубинштейн. – Только скажите, кому именно пришло в голову устроить...

– Вот и отлично, – отчеканила гостья. – Больше ничего не требуется.

Конечно, это был розыгрыш, устроенный кем-то из его друзей, никаких сомнений тут быть не могло, и все же от слов посетительницы у Рубинштейна слегка похолодело внизу живота, словно во все стороны разбежались тысячи крошечных букашек на колючих лапках.

А в кабинете как-то сразу стало неуютно, знакомые стены почужели и повраждебнили, как в странном сне; даже стол, который он специально привез из дому, показался ему больше своих обычных размеров.

– Ладно, а все-таки, кто это? – заартачился он. Но так и не сумел удержать внутри нервный смешок и мысленно выругался с досады. Больше всего донимал вид этого чертового стола.

– Кто-кто-кто-то... – визитерша, судя по всему, и не думала пускаться в откровения. Ее манера держаться все заметнее вступала в противоречие с ее внешностью. И еще – голос. Голос властной матери. Нет, собственная мать Рубинштейна была здесь как раз ни при чем, просто более подходящего сравнения он не сумел бы отыскать. А еще с каждой секундой президент начинал нервничать все сильнее. Мысль, что кто-то решил над ним подшутить, уже нисколько не веселила. Да и перестала вдруг казаться вероятной.

– Послушайте, – сказал он как можно решительнее, вставая из-за стола, – давайте покончим с этим фарсом. У меня было три презентации кряду, и уже поздно. Я устал, мне сейчас не до цих-то плоских шуток. И... в общем, хватит!

Тут он впервые обратил внимание на одно любопытное обстоятельство (да нет же, черт возьми, оно подавляло его с самого начала, как распухшая простата, просто дело в этой накопившейся усталости): как визитерша вообще уловчилась оказаться на его приватной территории без официального согласования, минуя все препоны и даже секретаря? Странно, очень странно, поскольку Алла была проверенным и надежным человеком. И вот еще что странно: из небольшого зала для презентаций на полсотни мест, который располагался на первом этаже, он выходил последним, остальные к тому времени уже разошлись. Ну да, ведь все так и было.

– Вы правы, пора бы закрепить наш уговор. – Гостя тоже встала, медленно, бесшумно, не сводя с него прямого, но совершенно лишенного эмоций взгляда.

«Еще бы продержаться неделю-другую, и уже никто не смог бы ко мне вот так запросто... – с детским отчаяньем подумал Рубинштейн. – Я же тут президент, в конце концов... Господи, неужели нарвался на сумасшедшую?»

Его рука потянулась было к кнопке внутренней связи с секретарем («Да где же тебя черти носят? Ради Бога, Алла, хоть сейчас окажись на месте!»), но застыла... и упала безвольной плетью. Альберт Рубинштейн впервые в своей взрослой жизни испытывал такой беспредельный иррациональный ужас, погружаясь в него, будто муха в жидкий мед. Яркий оранжевый свет вливался в кабинет через окно за его спиной, подчиняя все и вся безумной власти янтарного сияния.

– Ты видел что-нибудь прекраснее?

Он повернулся к окну, замер, не слыша, скорее чувствуя, как Элея огибает стол, приближается сзади. А мгновением позже – ее губы у себя на шее...

Холодные, как зимняя могила.

Лора (Киев, Новая Дарница)

«Если обгону до перекрестка, со мной произойдет сегодня что-то очень хорошее», – подумала Лора, глядя в спину высокому парню в ярко-синей рубашке, шагавшему впереди. Она прибавила темп, одновременно прикидывая расстояние до конца тротуара, игравшего роль условного финиша, и необходимое ускорение, чтобы догнать парня, не слишком привлекая к себе внимание.

Эту игру Лора придумала то ли в двенадцать, то ли в тринадцать лет, возвращаясь однажды домой из школы. Она загадала, что если догонит до своего поворота взрослую длинную девчонку из выпускного класса, которую все дразнили Шпалой, то папа обязательно подарит ей щенка колли на день рождения. Через три дня Лора проснулась и обнаружила у изголовья кровати пытящий оранжевый комок в коробке из-под обуви, который дожидался, пока его найдут и радостно завопят. Она была фантастически счастлива и нисколько не сомневалась: все это именно благодаря тому, что она сумела обогнать Шпалу до своего поворота.

Уже два года, как умер от старости верный и добрый Каштан, найденный много лет назад в обувной коробке, а Лора успела с того дня превратиться из девочки-подростка в молодую взрослую женщину, которая давно перестала верить в подобные чудеса... просто иногда это помогало отвлечься по дороге. Ну ладно, *почти* перестала.

Лору и парня в синей рубашке уже разделяли каких-то пару шагов,

(...случится что-то очень хорошее... непременно случится... что-то особенное...)

когда тот вдруг ускорился, и Лора против собственной воли почти побежала, чтобы первой успеть к тому месту, где тротуар обрывался на перекрестке. Ха-ха...

Успела. Перевела дух и (улыбнувшись, может, впервые за два последних месяца) сразу же забыла о давней игре. Ей было хорошо. Лора шла по улице своего детства, помня все ее метаморфозы за последние двадцать с лишним лет, будто изменяющиеся черты хорошо знакомого лица. Яркое и ласковое сентябрьское солнце купалось в зеленом озере крон деревьев большого сквера по левую руку, а справа на той стороне, где она шла, на несколько кварталов тянулся ряд кирпичных пятиэтажных домов. Лора любила эту часть своего района; здесь никогда не бывало слишкомлюдно или слишком уныло и даже поздними вечерами (а ей приходилось не раз бывать тут и ночью) Новодарницкая улица составляла ей компанию, подобно старой товарке, и вела почти до самого дома.

Ей навстречу пронеслась компания школьников, окунув на мгновение в мир детства и летних каникул; унылость долгих учебных будней еще не успела стереть блеск свободы в их глазах. Лору обдало легким ветром собственных воспоминаний, когда она так же бегала здесь в компании подружек или спешила мимо этого сквера на свое первое свидание.

«Что-то обязательно случится, правда? И обязательно хорошее», – вспомнила она, минув еще один перекресток и приближаясь к дому, который последние три года называла про себя не иначе как Офисом.

Однажды она увидела, как половину его первого этажа словно поразила некая разновидность оконной катаракты, а через какое-то время во всех этих окнах появились одинаковые белые жалюзи. И еще – в трех на втором этаже, что были обращены во двор. Также появилось выходящее на улицу крыльцо с большой двустворчатой дверью без вывески и серебристой кнопкой звонка; подъезды жильцов и двор находились с другой стороны дома. Похоже, какая-то организация выкупила несколько квартир на первом этаже и еще одну на втором, – ставшей директорским кабинетом, подобно корабельной рубке, – объединив их в большой офис, – сразу решила Лора и, увидев на следующий день, как из нескольких грузовых машин выгружается мебель и всевозможная офисная техника, поняла, что не ошиблась. Она не знала, чем занимается выкупившая квартиры фирма, но, проходя дважды в день мимо Офиса – утром на

работу и вечером с работы домой – видела, как постоянно кто-то входит и выходит из красивых больших дверей и подъезжают машины. В основном это были автомобили дорогих марок, а их владельцы – преуспевающего вида деловыми людьми. В течение почти трех лет Лора ловила себя на мысли, что, возможно, ей стоит поискать работу в этой неизвестной фирме, расположившей свой офис буквально в нескольких шагах от ее дома. Но она каждый раз откладывала, находя всяческие оправдания. На самом деле, Лору смущал столь непосредственный подход – вот так запросто явиться и расспросить, не нужны ли им сотрудники, было совершенно не в ее характере. И она по-прежнему продолжала каждый день ходить мимо, гадая, чем занимается находящаяся в доме фирма и не стоит ли все же проявить немного инициативы.

Однако ей, похоже, так и не было суждено когда-нибудь получить работу в неведомой фирме – примерно два месяца назад Лора увидела ту самую картину, что и три года назад. С одной лишь разницей, что мебель и все остальное теперь выносили и грузили в два больших фургона, почти целиком перекрывших движение на дороге. Наверное, помещение выкупила другая фирма, подумала Лора и вновь не ошиблась: днем позже она увидела, как вселяются новые хозяева. Что ж, владельцы могли и смениться, но Офис оставался по-прежнему на своем месте, и как любой другой офис на свете нуждался в сотрудниках, верно? Поэтому Лора решила, что в этот раз уж точно попытает счастья при первой возможности.

Но всего через день в ее жизни случилось нечто, заставившее ее надолго позабыть о своих планах.

Подойдя к Офису, Лора обратила внимание на выставленный перед входом столик с разноцветными буклетами и стоящую за ним девушку лет двадцати пяти в деловой брючной двойке. В этот момент мужчина средних лет отошел от столика, держа в руке один из цветных буклетов. Девушка перехватила взгляд Лоры и, сразу заулыбавшись, приветливо помахала ей рукой. Лора невольно улыбнулась в ответ.

– Можно занять всего одну минутку вашего внимания? – обратилась девушка, когда Лора поравнялась со столиком. – Вы позволите?

– Да, конечно, – Лора остановилась и начала разглядывать аккуратно разложенные ряды буклетов. Как удачно, – подумала она, – похоже, что возможность навести справки о новых владельцах Офиса сама устремила ее навстречу.

«Ты ведь догнала парня в синей рубашке, помнишь?» – вдруг промелькнуло у нее в голове, и Лора улыбнулась, адресовав эту улыбку хозяйке столика.

– Мы являемся молодой, но очень быстро развивающейся компанией, – начала девушка, – и я приглашаю вас ознакомиться с теми уникальными возможностями, которые предоставляет наша компания всем желающим. Уверена, это должно вас заинтересовать.

– Почему бы нет, если денег не возьмут? – пошутила Лора.

Девушка-менеджер засмеялась и продолжила хорошо поставленным деловым тоном:

– Стать потребителем в нашей компании может буквально каждый, тем более что речь идет о товарах, необходимых любому человеку, а их спектр у нас весьма широк. Для постоянных потребителей мы даем возможность приобрести специальный дисконт с накопительной системой дополнительных скидок. Поэтому многое, что вы и так покупаете в обычном магазине, вы могли бы приобретать через нашу компанию, существенно экономя деньги из семейного бюджета каждый месяц. Разве это не замечательная возможность? – девушка вопросительно взглянула на Лору, и той ничего не оставалось, как согласиться с простой и доходчивой логикой новых хозяев Офиса.

– Узнать больше вы сможете вот из этой брошюры, – девушка вручила Лоре один из буклетов. – Но это еще не все. Каждый наш потребитель получает еще одну прекрасную возможность – зарабатывать хорошие деньги, став независимым партнером компании.

– Вот как, – кивнула Лора, размышляя, как повернуть разговор в интересующем ее направлении.

Девушка взяла со стола еще один буклет и протянула ей:

– А тут вы сможете вкратце познакомиться с основными принципами такого сотрудничества.

– Вы сказали... партнерами? – приняла буклет Лора. Вверху обложки был изображен логотип в виде встающего из-за горной гряды солнца, а ниже крупным золотистым шрифтом шла надпись «Компания „Новый свет“».

„Весьма претенциозно“, – подумала Лора, едва заметно улыбнувшись.

– Как вы, возможно, уже догадались, в нашей работе мы используем принцип сетевого маркетинга, – сообщила девушка-менеджер. – Каждый желающий – конечно, если он будет отвечать установленным требованиям – может стать нашим частным партнером. Вам знакомо понятие эм-эл-эм?

– Да, – вновь кивнула Лора, кое-кто из ее старых подруг уже пару лет торговали косметикой „Орифлейм“, и у нее было некоторое представление об этом. – Немного знакомо.

– Думаю, вам тогда обязательно стоит побывать на одной из наших презентаций, которые проводятся прямо в офисе компании. Это здесь, – оглянувшись назад, указала девушка. – Следующая состоится как раз завтра, в семь вечера.

К столику подошла заинтересованная молодая пара, девушка сказала им несколько стандартных фраз, вручила буклет, и пара удалилась.

– Простите, – любезно улыбнулась девушка-менеджер.

– Ничего, – вернула улыбку Лора. – А вы случайно не в курсе, открыты ли сейчас какие-нибудь штатные вакансии? Например, референта или офис-менеджера?

– К сожалению, мне это не известно. Но тогда вам тем более стоит прийти на завтрашнюю презентацию. Ее будет проводить сам президент Альберт Рубинштейн. Думаю, вы могли бы переговорить с ним об этом лично. Хотя... – девушка оперлась ладонями о стол, наклонившись в сторону Лоры, и доверительно понизила голос: – Хотя лично я очень сомневаюсь, что у нас найдется подходящее занятие для глупой суки, которая не способна уследить даже за собственным ребенком...

Лора окаменела, с ужасом глядя на нее.

– Ты помнишь, как все эти люди, десятки людей, высыпали из магазина, чтобы поглазеть на то, что осталось от твоей маленькой дочки, когда по ней прокатился грузовик? Потому что ее мамаша была слишком занята собой, чтобы заметить отсутствие собственного ребенка даже через добрых десять минут. Она удрала от тебя и вышла одна на улицу, пока ты не могла решить, какую именно выбрать помаду для своего бледского рта, а потом еще несколько минут трепалась с этой жирной сукой Лисович... А она просто выбежала за двери и шагнула с тротуара прямо на дорогу с несущимися машинами, потому что ей было только два. Хорошо помнишь, как она выглядела, когда ты ее увидела в следующий раз? Твоему мужу следовало бросить тебя гораздо раньше, чем до этого дошло. Что ж, думаю, мы сумеем подыскать для тебя что-нибудь подходящее.

У Лоры поплыло перед глазами.

– ...вам тем более стоит придти на завтрашнюю презентацию. Ее будет проводить сам президент Альберт Рубинштейн. Думаю, вы могли бы переговорить с ним об этом лично... Что с вами? Вам плохо? – девушка-менеджер обеспокоенно смотрела на Лору. – Вы так сильно побледнели, что...

– Нет-нет, все в порядке... – выдавила Лора и даже попыталась улыбнуться, но у нее вышла лишь жалкая гримаса. – Спасибо вам, мне уже пора.

– Вот, – девушка протянула Лоре похожий на визитку картонный прямоугольник с уже знакомым логотипом – солнце, встающее из-за гор с заснеженными вершинами. – Не забудьте: завтра в семь.

Лора рассеянно кивнула, машинально взяла пригласительный билет и, почти не чувствуя ног, направилась в сторону дома.

„Я догнала парня в синей рубашке... я догнала парня в синей рубашке...“, – вновь и вновь, подобно запущенному в бесконечный полет бумерангу, кружила в ее голове дурацкая мысль.

Виктор (Киев, мост Патона)

Виктор не любил маршрутные такси за их тесноту и раздражающую привычку водителей кланяться каждому столбу, подбирая все новых пассажиров, чтобы набить ими салон, будто тот сделан из резины. Однако сейчас это был самый простой и быстрый способ добраться от Контрактовой площади в Новую Дарницу, тем более что четырехлетний Владик вдруг расказпризничался, жалуясь на головную боль и озноб.

Виктор, в который раз за последние десять минут, потрогал горячий лоб внука – похоже, у мальчика действительно поднималась температура. Вечно с этими детьми так, – досадовал про себя Виктор, – только что они носились, как угорелые, а в следующую минуту их уже лихорадит от очередной ангины, свинки или еще какой-нибудь болезни. Обход книжного рынка, который он давно планировал себе устроить, пришлось прервать ровно на середине, и если бы не "Мать Тьма" Курта Воннегута, лежащая сейчас в желтом целлофановом пакете на его коленях, поездку можно было бы считать совершенно загубленной.

Пока салон маршрутного такси № 31, стоящего на конечной остановке, постепенно заполнялся людьми, Виктор нетерпеливо поглядывал в окно: Контрактовая площадь была многолюдна, на скамейках и на каменных окантовках клумб, потягивая пиво, кучковалась неформального вида молодежь, состоявшая в своем большинстве из студентов-гуманитариев и разных длинноволосых ребят, похожих на начинающих рок-музыкантов.

– Ой, мам! – ткнула в окно пальцем сидящая впереди девочка на два или три года старше Владика, указывая на долговязого парня с заплетенными в тонкие почти до пояса косички волосами и черной толстовке, из под которой выглядывала длинная блестящая цепь. – Смотри! Бугагот!

– Показывать пальцем некрасиво, прекрати, – сказала женщина, лишь мельком удостоив взглядом длинноволосого парня в черном.

К нему тем временем подошла девушка лет шестнадцати-семнадцати, в черных высоких ботинках, одетая почти как парень; ее лицо от бровей до нижней губы украшал щедрый пирсинг. Они поцеловались и подсели к компании таких же ребят.

Виктор скептически рассматривал молодых людей одного за другим, размышляя, как их родители позволяют им не только выглядеть так вызывающе, но и даже согласны платить за это. А потом вдруг поймал себя на мысли, что и сам бы многое отдал, ради возможности скинуть лет тридцать-сорок и прямо сейчас присоединиться к ним – и плевать, сколько булавок торчало бы из его физиономии и какой длины достигали волосы. Меняется время, меняется мода, рождаются новые кумиры, только молодежь всегда остается молодежью, – с мимолетной ностальгией подумал Виктор.

– Деда, а когда мы поедем? – тронул его за локоть совсем раскисший Владик. Нарастающая лихорадка уже проступила нездоровым блеском в его темно-карих глазах, глазах его матери и его бабушки, какими они были у нее в юности и какими Виктор запомнил их навсегда. Почти всю свою внешность мальчик унаследовал по женской линии.

– Сейчас, – Виктор усадил внука к себе на колени, чувствуя, как тот дрожит всем телом. – Вот прямо сейчас и поедем.

Освободившееся сиденье тут же было занято молодой женщиной лет тридцати, без умолку трещащей по мобильному телефону. В этот момент водитель закрыл двери, и маршрутка тронулась.

Нужно было взять такси, – с запоздавшим сожалением подумал Виктор, – похоже, мальчишка подхватил грипп.

– Бугагот, – сказала девочка впереди, продолжая глазеть в окно. Владик приподнял голову, пристально и недовольно глянул в ее сторону, будто мог видеть сквозь спинку сидения, но ничего не сказал и вновь приник к груди деда.

Вскоре маршрутка выбралась на Набережное шоссе и помчалась вдоль берега Днепра. Солнце играло тысячами ярких бликов среди волнистой ряби, пуская фейерверки мягких зайчиков и давая насладиться последним теплом такого долгого в этом году бабьего лета; у причала швартовался прогулочный корабль, готовясь к отплытию.

"Как-нибудь нужно устроить Владiku небольшой речной круиз, – решил Виктор. – Когда поправится. Черт, угораздило же...".

– Пахнет рекой, – вновь подала голос невидимая девочка впереди и засмеялась, будто отмочила что-то ужасно смешное. – Пахнет лодками, пахнет островом...

Сделав крутой вираж вправо, чтобы описать почти полный круг, маршрутное такси выбралось на мост Патона и резко сбавило скорость. Виктор всегда любил этот участок пути через Днепр, хотя с тех пор, как сняли трамвайную линию, он утратил большую часть своего очарования: было что-то особое в этом – преодолеть водную гладь между Правым и Левым берегами в салоне трамвая. Что-то из самого детства.

"Да откуда же эта чертова хандра в последнее время?!" – думал Виктор, прижимая внука к груди, чувствуя его проникающее сквозь рубашку лихорадочное тепло и с недовольством отмечая, что маршрутка движется все медленнее.

Эта необъяснимая хандра, похожая на смесь безотчетной тревоги и какой-то острой, пронизывающей до самого сердца ностальгии, начала регулярно посещать его с одного памятного вечера несколько недель тому назад, когда Виктор внезапно увидел окровавленное лицо внука, бегущего к нему через детскую площадку. *Смеющееся* лицо, будто залитое сладким вишневым сиропом, а вовсе не его собственной кровью. И сколько бы Виктор потом не убеждал себя, что всему виной являлся свет предзакатного солнца, в нем глубоко пустило ростки чувство тревоги, почти уверенности, что кому-то из его близких грозит беда. Особенно мальчику. Нет, именно Владiku.

– Пахнет перилами, пахнет столбом... – голос девочки был для Виктора сейчас чем-то вроде поплавок, не дававшего ему соскользнуть на действительно опасную глубину, где властвовала лишь сводящая с ума тревога, многократно усиленная внезапно подскочившей у внука температурой.

– ...пахнет мостом...

– Вот дура! – не выдержал Владик. – Мосты не пахнут!

В пространстве между спинками кресел возникло лицо девочки. У нее были ярко-рыжие курчавые волосы и насмешливые, близко посаженные зеленые глазки.

– От дурака слышу! Еще как пахнут! – сообщила она. – А если будешь обзывать, за тобой придет Бугагот! Ясно?

В этот момент маршрутка остановилась. Виктор расслышал чертыханье водителя и наклонился к окну, пытаясь разглядеть, что происходит впереди. Ряд машин слева также остановился. Похоже, образовалась пробка. Сейчас все это было страшно некстати – он снова приложил ладонь ко лбу внука. Невозможно было определить, стал ли тот еще горячее за последние минуты, но прохладнее он точно не становился.

– Что там такое? – склонился в проход Виктор. – Это надолго? У меня здесь больной ребенок.

– Кажется, снова авария, – ответил водитель. Несколько пассажиров, которые могли видеть, что происходит впереди, выразили согласие с его словами. Виктор мысленно выругался.

В проеме между кресел вновь возникло лицо рыжей девчонки.

– Это ты – больной? – осведомилась она, показала маленький острый язык и спряталась за спинкой.

"Если засранка сейчас скажет что-нибудь, вроде "пахнет больным" ... – с раздражением подумал Виктор.

– А что с ним? – спросила молодая женщина на соседнем сидении, почти всю дорогу не отрывавшая мобильный от уха.

– Видимо, грипп... – мрачно предположил Виктор.

Маршрутное такси медленно тронулось, но тут же вновь затормозило, не проехав и десятка метров.

Снаружи постучали. Водитель открыл двери, и в салон вошли несколько человек. Как оказалось, они вернулись назад пешком с места происшествия, где их машина, следовавшая тем же 31-м маршрутом, сбила человека. Водитель позволил им не платить за проезд.

– Ну и дела... – качал головой седой мужчина, один из новых пассажиров, примерно одного возраста с Виктором. – Я стоял впереди и видел, как все случилось.

"Говорит так, будто увидел собственную мать верхом на метле", – с каким-то неприятным чувством отметил про себя Виктор.

– Тот парень просто вышел поперек дороги, – продолжал седой. – Как сомнамбула, будто совершенно ничего не замечал вокруг.

– Пьяный, а может, самоубийца... – предположил кто-то вслух.

– Нет, не думаю, – с сомнением покачал головой седой. – Мне он больше напомнил человека, который ходит во сне. Только... – Мужчина на секунду умолк, с удивлением взвешивая свою мысль. Отразившееся на его лице выражение могло показаться бы даже забавным, не иди речь о столь неприятных вещах – Но не мог же он, и в самом деле, быть одним из этих...

– Лунатиков? – подсказала мать рыжей девочки. – Нет, вряд ли. Скорее уж, наркоман.

– Просто вы его не видели, – обернулся к ней седой.

– А мне и не нужно. Лунатики не бродят средь бела дня по улицам. Тем более, чтобы попасть на мост...

– Дурацкий лунатик, – вставила рыжая.

– ...он должен был пройти слишком большое расстояние и пересечь несколько многолюдных и шумных мест, его обязательно разбудило бы что-то. Нет, это невозможно. Кстати, что с ним? Он жив?

– Нет, – поднял голову седой. – Уж в этом можно несколько не сомневаться.

– Ага, – подтвердил чей-то голос. – Точно можно. Как по мне, этот парень выглядел так, будто умер еще несколько дней назад.

Кто-то громко кашлянул.

– Люди, может, хватит об этом? – с брезгливым выражением сказала любительница телефонных разговоров, сидевшая рядом с Виктором.

Тут маршрутное такси тронулось с места и начало постепенно набирать скорость, мгновенно разрушив ауру некоего таинственно-темного единения, всегда возникающего между людьми, ставшими свидетелями чего-то непостижимого и скверного. Вскоре его колеса коснулись Левого берега, и мост Патона остался позади.

Виктор продолжал внимательно прислушиваться к состоянию Владика, но почувствовал себя спокойнее: минут через десять-пятнадцать они будут дома.

Рыжая с матерью выходили двумя остановками раньше. Когда двери открылись, она обернулась на мгновение, кольнув Владика своими острыми зелеными глазками.

– Его укусил Бугагот... Он и тебя поймает! Да!

– Пошли, – резко дернула ее за руку мать, и дверь закрылась.

Владик поднял к Виктору бледное осунувшееся лицо с проступившим на щеках нездоровым румянцем:

– А кто такой Бугагот, деда?

– Если будешь слушать разную ерунду, которую говорят маленькие глупые девчонки, в ушах вырастет морковка, а в носу укроп, – потрепал темные, как и у всех женщин в его роду, волосы мальчика Виктор, изображая беззаботную улыбку. Однако едва пошедшая на убыль хандра вновь защемила сердце. Еще и этот неприятный случай на мосту...

...этот парень выглядел так, будто умер еще несколько дней назад...

Тьфу! Ничего не скажешь, просто праздник души. А день так замечательно начинался...

Виктор занес на руках внука в квартиру, поднявшись пешком на третий этаж. Как он и думал, молодые еще не вернулись. Впрочем, он не слишком и рассчитывал на них – в конце концов, почти со всем, что касалось Владика, он справлялся лучше обоих родителей вместе взятых, давно и по собственной воле став его нянькой, пестуном и по-своему даже лучшим другом.

Овдовев семь лет назад, Виктор почти сразу вышел на майорскую пенсию пожарного и перебрался к дочери с зятем, а с рождением Владика внезапно обрел новый смысл жизни ("Я не дед, старые вы завистники, а отец в квадрате" – смеясь говорил Виктор, потом еще целый год принимая поздравления давних друзей и бывших сослуживцев). Примерно в то же время он увлекся компьютерами и внезапно открыл для себя недоступный большинству его ровесников прибабахнутый и завораживающий мир Интернета.

Предоставив дочери возможность раньше вернуться к работе и подолгу оставаясь с внуком, Виктор участвовал в дюжине аматорских форумов; его излюбленными, где он проводил большую часть времени, были для *почитателей* литературы и начинающих писателей. Поначалу Виктор полагал, что на фоне других покажется этаким нелепым мастодонтом, занесенным в Виртуальный Мир из позвякивающего машинками конторских секретарш и гудящего клаксонами прошлого. Но вскоре понял, что здешняя жизнь подчинена совсем иным законам, нежели жизнь реальная, в которой он пребывал от рождения. Просто мир вокруг меняется быстрее, чем некоторые люди, – убеждал он себя. Это в некотором смысле напугало и в тоже время восхитило его. Здесь ты мог умереть и заново родиться по собственной воле, обернуться темным принцем, важным инкогнито или бесстыдной шлюхой, и запросто общаться с людьми, которых никогда не встретил бы и не узнал. Здесь ники заменяли имена, а аватары – лица, и подобно божеству, заточенному в неприметной щели на краю мира, ты мог послать свой бесплотный стремительный дух покорять отрезанные камнями стен далекие дали...

Уложив Владика в постель и вызвав по телефону врача, Виктор зашел в свою комнату, включил компьютер и проверил электронную почту. В ящике оказалось почти два десятка писем: половина очевидный спам, и он, не открывая, сразу удалил их, одно от знакомого с приглашением порыбачить на ближайшей неделе, остальные – уведомления с форумов, где он участвовал.

И еще одно. Сердце Виктора сразу же учащенно забилося, когда он увидел адрес отправителя. Он две или три секунды помедлил, глядя на изображение нераспечатанного конвертика, а затем с улыбкой, мгновенно сделавшей его на двадцать лет моложе, открыл письмо (при этом как всегда жалея, что не может видеть *ее* настоящий почерк):

"Дорогой Виктор!

Последние дни оказались очень важны для меня. Их целиком занимали мысли и чувства. Все это было мне крайне необходимо, чтобы окончательно разобраться в себе и понять, какое место Вы теперь занимаете в моей жизни. Потому я тем больше ценю Ваш такт и терпение. И хотя мы прежде никогда не видели друг друга, я совершенно убеждена, что знакомство с Вами – это лучшее из всего, что произошло со мной за многие годы.

Я чувствую, что время для нашей встречи наконец пришло. И единственный вопрос, который я могу Вам сейчас задать, желаете ли Вы этого так же, как и я?

Искренне Ваша, Эля"

Стас Вишнит; Ползун вернулся (Киев, Новая Дарница, август)

У старых привычек год идет за день. На следующее утро после недолгого, но пронизывающего до самых глубин души погружения в оранжевое сияние, Стас Вишнит распечатал темно-коричневую пачку «Капитана Блэка» и закурил первую сигарету с чувством, словно бросил это занятие всего три дня назад. Голова закружилась после первой же затяжки, прогоняя похмелье не хуже нескольких глотков крепленого пива.

Он все еще рассматривал старую дешевую зажигалку, купленную в незапамятные времена, высекая огонек и удивляясь, как та привычно лежит в руке, когда фильтр стал слишком горячим, чтобы удерживать его между пальцами. Стас выронил окурочек, секунду-другую наблюдая его полет с высоты пятого этажа, и, несмотря на головокружение после трех лет воздержания и крепость "Капитана Блэка", подкурил новую сигарету. Черт, сейчас это было то, что надо, это было круто... Балконная дверь позади него вдруг резко хлопнула, издав громкий визжащий скрип, и Стас дернулся, однако сразу расслабился, поняв, что причиной тому обычный сквозняк.

"Смазать бы..." – в который раз промелькнула ленивая мысль.

Но не вчерашние неприятности на работе, не похмелье и даже не внезапный шок от падения в оранжевую пучину минувшим вечером заставили его открыть пачку "Капитана Блэка", которая почти три года простояла нетронутой на полке среди его любимых книг – как памятник старой дурной привычке.

Этой ночью он снова увидел Ползуна. Давний детский кошмар, рожденный когда-то его собственным воображением, вернулся и разбудил его.

Открыв среди ночи глаза от какой-то неясной тревоги, Стас впервые за долгое время снова увидел его луноподобное, как у имбецила, бледное лицо, которое скалилось непомерно огромным ртом в изножье кровати, глядя на него и пуская длинные слюни. Ноги Стаса сами подтянулись к животу, как и в те ночи, когда ему было шесть, а все тело мгновенно покрылось холодной испариной. Но вот прошла секунда... и Ползун уже скрылся за спинкой кровати, слышен только суетливый стук его локтей по полу. Где-то совсем близко, но точно определить невозможно, и его круглое безумное лицо может появиться в любой момент, откуда угодно; возникнуть прямо у изголовья, вынырнуть из сумрака, будто маска, слепленная из сырого теста. И снова близкое шуршание, беспорядочный стук, приглушенный толстым ковром... У Ползуна нет ног, поэтому он передвигается, катаясь по полу волчком или быстро-быстро перебирая локтями и подтягивая бледное бесформенное, как у слизняка, тело. Временами он ворчит – голос пьяной, едва ворочающей языком бабы. Все, как и раньше, но Стасу кажется, что Ползун стал будто бы крупнее и даже проворнее, словно повзрослел вместе с ним за эти годы.

А затем – внезапная тишина, почти звенящая. И вновь в комнате никого нет, кроме Стаса, вцепившегося холодными руками в край одеяла и улавливающего только собственное сбивчивое дыхание, будто Ползун явился лишь затем, чтобы дать знать о своем присутствии, о том, что он вернулся из долгого паломничества в Страну ночных кошмаров – Мекку всех вымышленных детьми злобных существ – сумев найти спустя много лет обратную дорогу.

Стас, невесело улыбаясь, запустил вниз второй окурочек. А он-то считал, что его ближайшие неприятности ограничатся разборками на работе и неизбежным увольнением. Все показалось вдруг мелким и незначительным. Да катись они к чертям... Стас бросился в уборную, роняя на пол пачку "Капитана Блэка" с зажигалкой, и едва успел согнуться над унитазом до того, как его вырвало утренним кофе наполовину с желчью.

"Главное, – напомнил себе Стас, глядя в зеркало красными слезящимися глазами, – не дать ему стянуть себя с кровати. И не должно быть никакого зазора со стеной, куда Ползун мог бы просунуть руку и вцепиться своими липкими пальцами. Но самое важное – не позволить ему стянуть себя на пол. Потому что...".

Ну и мысли же лезут в голову, усмехнулся Стас, открывая кран и обдавая лицо прохладной водой. Ведь ему прекрасно известно, что никаких ночных тварей на свете нет, а своего личного монстра он выдумал во время тяжелой ангины, когда ему было шесть. Кажется, это был всего лишь белый наполовину сдутый воздушный шар, который остался после его дня рождения, и каким-то образом оказавшийся на стуле в ногах кровати, а остальное дорисовало его воспаленное лихорадкой воображение. Только и всего.

– Только и всего... – пробормотал Стас, заметив в зеркале, как в отраженном проеме двери за его спиной мелькнуло что-то светлое и быстрое. У самого пола.

Стас, медленно ступая, вернулся в комнату. Похоже, в зеркале он увидел солнечный блик, отраженный стеклом балконной двери.

– Только и всего, – повторил он. Никаких монстров из его детства, всего лишь ночной кошмар, навеянный вечерней выпивкой и недавним стрессом на работе – неизменными приятелями любого менеджера. И никакого Ползуна, готового в подходящий момент схватить за руку, чтобы стянуть с кровати и затащить в свой жуткий полуночный мир.

"А разве ему это однажды почти не удалось?" – возразил его же собственный голос, голос Стаса-ребенка.

Нет, что-то он не припомнит такого, разве что несколько ярких и запомнившихся на многие годы дурных снов. Херня все это.

"Херня, да? – в голосе ребенка звучал совсем недетский сарказм. – А как же тот случай, когда в твоей комнате остались ночевать гости? Двоюродный брат отца с женой, которые остановились проездом на пару дней. Мама постелила им на полу в твоей комнате, потому что в гостиной оказалось слишком мало места. У этого дяди Бори были чертовски длинные ноги, которые торчали из-под одеяла, как две ходули, помнишь? Худые с выпирающими голубоватыми венами и очень смуглые, будто он всю жизнь провел на пляже. А когда ты проснулся ночью в туалет, то увидел Ползуна, сосущего большой палец на его левой ноге, словно леденец... И это тоже, по-твоему, еще один херов сон?"

Мне тогда было семь, всего лишь семь, – мысленно возразил себе Стас, и в этот момент на столе зазвонил мобильный.

Однако вместо того, чтобы сразу взять трубку, Стас посмотрел на часы. Что?! Просто невероятно, что он настолько утратил чувство времени... Нет, точнее, оказался так выбит из колеи давним детским кошмаром, вернувшимся этой ночью, что совершенно забыл о его существовании, да еще в такой момент!

Поднимая мобильный, он мог поспорить, что уже знает, кто и зачем ему звонит.

– Стас, ты с ума сошел? – по голосу Глеба – его единственного близкого друга в фирме, а заодно и коллеги по отделу продаж – явно угадывалось желание не оказаться подслушанным окружающими, несмотря на душившие его эмоции. – Горгона и ее оборотни уже битый час просто рвут и мечут, ожидая, когда ты объявишься! Весь офис стоит буквально на ушах, а ты... – до Стаса долетел приглушенный смехок, – А ты торчишь дома и в ус не дуешь...

– Что значит, на ушах? – спросил Стас. – Все уже обо всем знают?

– Ну, не мне тебе рассказывать, что такие новости разлетаются мгновенно. Не каждый день выясняется, что один из ведущих менеджеров больше года кидал собственную фирму... – Стас вдруг уловил мгновенное смущение в его голосе. – Ты действительно делал это?

– Да.

– Слушай... Нет, правда?

– Да, и несколько не жалею об этом.

На несколько секунд повисла пауза. Стас слышал далекие знакомые голоса, долетающие из помещения офиса, голоса, к которым привык за последние два года работы в фирме.

– Ты хоть представляешь, что тебя ждет сегодня? – сказал наконец Глеб.

– Вообще-то мне плевать... – Стас внезапно принял для себя решение. Впрочем, не исключено, что сделал он это еще вчера, но, напившись, забыл о нем. Похоже, так и было, учитывая, что оно не вызвало ни удивления, ни беспокойства. – Я не появлюсь сегодня.

– Что?

– И завтра тоже.

– Послушай...

– В этом нет никакого смысла, меня попрут в любом случае. Я не собираюсь ни перед кем оправдываться. Просто когда все поутихнет, вернусь забрать документы.

– Но они могут...

– Да ни черта они не смогут, – Стас знал, к чему ведет Глеб. – Это палка о двух концах: если они обратятся в прокуратуру с обвинениями в хищении средств фирмы, значит, будут должны признать и свое прямое участие в откатных схемах.

– Хорошо, допустим. Но ты мог бы попытаться хотя бы как-то сгладить углы, иначе они закроют для тебя все двери в нашей сфере. Вспомни, как произошло с Воробьевым. Ты потереешь всю базу, все, что успел наработать за эти годы. Неужели так хочешь все начать с нуля?

– Насрать... Старик, ты даже не представляешь, как давно мне все это остохерело... – Стаса начало трясти от безудержного смеха. – Я просто оказался способным учеником, всего лишь делал то, чему они меня сами научили. Только и всего.

У него перед глазами стояла сцена четырнадцатимесячной давности. Кабинет очередного начальника отдела закупок, пригласившего потолковать тет-а-тет менеджера частной фирмы, торгующей ГСМ.

– Наша месячная потребность составляет примерно сорок кубов компрессорного масла, – говорит снабженец, оценивающе глядя на Стаса, для которого в этом взгляде, неторопливой манере речи, в жестах скрыто гораздо больше, чем могло бы показаться простому стороннему наблюдателю. Он кивает собеседнику, давая понять, что они легко найдут общий язык, а их предыдущий телефонный разговор этим утром и отправленные по факсу прайс-листы – едва ли не пустая формальность.

– Наши прессы работают в две смены и жрут, как звери, – снабженец что-то пишет на маленьком квадратном листке. – Предыдущий поставщик начал нас регулярно подводить, и теперь мы ищем нового.

Стас улыбается одними губами – для него это не новость, поскольку иначе и быть не могло – и машинально ворошит в уме список фирм-конкурентов, одна из которых то ли по недосмотру курирующего менеджера, то ли по каким-то еще причинам лишилась этого весьма жирного куска.

Хозяин кабинета скользит листком по столу в сторону гостя. Стас видит цифру, которая означает добавку к цене, ориентировочно прикидывает общую сумму "верхушки", медленно кивает. Чуть ниже цифры карандашом выведено:

??

Он достает из внутреннего кармана пиджака свой «Паркер», который специально приобретает для таких случаев, и отвечает:

60/40

Собеседник отрицательно качает головой в тишине кабинета, но Стас ничего другого и не ждет: это лишь часть ритуала, которую, впрочем, он иногда и опускает. Но не сегодня.

Тихий скрип ручки, изучающей мелкие щербинки стола сквозь тонкий лист бумаги:

50/50

Тот несколько секунд размышляет.

– Мы были бы заинтересованы в постоянном сотрудничестве, если... – листок скользит обратно к Стасу.

40/60

Такое соотношение в рамках его полномочий, но он извиняется и выходит из кабинета якобы позвонить по мобильному, чтобы заручиться согласием своего руководства. На самом деле Стас вспомнил об одном интересном разговоре, произошедшем пару недель назад в баре, где он встретил старого приятеля. Они много выпили, но кое-что из его слов накрепко засело у Стаса в голове.

Он звонит в офис и сообщает директрисе, что потенциальный заказчик готов работать на условиях 30 к 70-ти, но долгосрочно, сообщает объемы и еще, как бы между прочим: у кабинета в ожидании приема ошивается чей-то представитель и, кажется (хотя Стас, хе-хе, и не уверен на все сто), тот намазывает масло на кусок хлеба "Водолею", их прямому конкуренту. Горгона что-то брюзжит о слипшейся заднице, однако, в конце концов, соглашается – фирма сейчас переживает не самый лучший период, а всякой мелочевки, вроде "Водолея", черт бы их побрал, развелось уж слишком много.

Стас возвращается в кабинет, сияя ослепительной победной улыбкой, и сообщает, что все в порядке: его руководство согласилось на 40 к 60-ти.

Четырнадцать месяцев каждого 12-го числа он передает из рук в руки невзрачный, обернутый плотной бумагой пакет в одном из баров у метро "Золотые ворота", передает, затем сразу поднимается и уходит, четырнадцать месяцев каждого 12-го числа он перед этим вычитает из пакета свою маленькую личную премию.

– Кто же мог подумать, что Горгона и его жена однажды станут сгонять жир в одном фитнес-клубе... – будто извиняясь за это досадное совпадение, сказал Глеб. – Ну, а если она решит тебе отомстить? Ты думал?

– Брось, сейчас уже давно не девяностые, – поморщился Стас, у него вдруг сильно разболелась голова. А еще ему снова захотелось сигарету.

"Это все из-за похмелья и этих дурацких детских кошмаров. Особенно из-за второго".

– Ладно, мне тут пора заняться кое-какими делами, – сказал Стас. – Еще увидимся, пусть только все уляжется.

– Что ж, ясно... – насколько Стас знал Глеба, тот сейчас улыбался, но улыбался грустно (и этот маленький эмоциональный штрих, возможно, только воображаемый, оказался ему все же приятен). – Не пропадай надолго. И удачи тебе.

Они разъединились.

* * *

– А разве ты не должен сейчас быть на работе? – удивленно спросила Вера, пропуская Стаса в квартиру и разглядывая его неделовой прикид – черную футболку с эмблемой какой-то неизвестной ей рок-группы, старые джинсы и не менее старые кроссовки. Ее же вид являл полную противоположность: деловая «двойка» с юбкой до колен и строгий умеренный макияж,

словно она собралась на какой-то важный прием или совещание акционеров крупной компании.

– Я решил уйти, – просто ответил Стас и поцеловал Веру в щеку.

– Уф!.. Что это? – выражение удивления по-прежнему не сходило с ее лица. – Мы знакомы почти месяц, но я не знала, что ты куришь.

– А-а, это... – рассмеялся Стас и лукаво подмигнул. – Я полон сюрпризов.

– Я вижу.

Он наконец обратил внимание, как она одета.

– Кажется... я что, не вовремя? Ты собралась уходить?

– Угу, но время еще есть, к тому же, мне назначено не на конкретный час. Что-то вроде ознакомительного визита, прежде чем приступить к обязанностям. Чаю хочешь?

– Не откажусь, – он последовал за Верой в кухню. – Значит, тебя можно поздравить?

– Наверное, уже можно, – она включила электрический чайник и села напротив Стаса. – Даже как-то немного странно: я устроилась на новую работу, а ты – ушел со старой. Что-то случилось?

– Да не то чтобы... Долгая и ужасно скучная история. Лучше расскажи о своем новом месте. Это те ребята из строительной конторы... как их там?

– Нет, – покачала головой Вера. – Одна сетевая компания, они только организовались и, можно сказать, делают первые шаги.

– А-а, – слегка разочарованно протянул Стас. – Собираешься заставить всех знакомых мыть голову чудо-шампунем по цене "Мерседеса", травить душеспитательные байки о посудных щетках, сделанных по космическим технологиям НАСА, и строить Сеть?

Чайник отключился, щелкнув тумблером, и Вера разлила кипяток по кружкам с пакетиками "Ахмата".

– Не совсем так, – улыбнулась она. – Мне предложили штатную должность в отделе маркетинга. Торговать посудными щетками – для меня слишком высокая планка.

– Ты себя недооцениваешь.

– Нет-нет, торговля щетками – это для крутых, а меня устроит и скромная офисная должность.

– Ладно, я очень рад за тебя, – Стас перегнулся через стол и поцеловал ее в губы. Вера ответила на поцелуй, и когда Стас отстранился, в ее глазах играли едва различимые искорки. Но он все же поймал их отблеск, и эти искорки, будто звезды, отраженные бархатной гладью ночного пруда, окончательно изгнали все недавние неприятности из его мыслей.

– погоди, я сейчас, – Стас поднялся из-за стола и направился в коридор, пока Вера делилась впечатлениями о своих новых работодателях. – Я тебя отлично слышу, продолжай.

Он тем временем пристально оглядел вешалку, полку для головных уборов выше ряда аккуратных крючков, заглянул в небольшой комод, но не нашел ничего похожего на ту вещь, о которой думал.

– Что ты там делаешь? – спросила Вера из кухни.

– Сейчас, – Стас открыл дверцу коридорного шкафа, где висела одежда, ожидавшая прихода своего сезона. Его взгляд сразу остановился на темно-зеленом шелковом платке, перекинутом через плечо легкого осеннего пальто. Оно.

– Но знаешь, что странно? – продолжала Вера. – Я дважды общалась с их директором, вчера днем в офисе и сегодня утром по телефону, и мне показалось, что я говорила с двумя совершенно разными людьми.

– Правда? – Стас вернулся в кухню, сворачивая платок в длинную узкую полоску. – Иногда такое случается, когда впервые говоришь по телефону с малознакомыми людьми. Со мной это бывало много раз.

– Понимаешь, тут дело совершенно в другом, у меня возникло чувство, будто... а это зачем? – она указала на платок в руках Стаса.

– Так... – улыбнулся он, медленно заходя Вере за спину. – Просто возникла одна идея, не отвлекайся. И что же тебя смутило в том телефонном разговоре?

– Ну, этот директор... Альберт Рубинштейн, он словно... – Вера запнулась, когда Стас перебросил сложенный в узкую полоску платок ей через голову, а затем поднял на глаза и осторожно завязал концы на затылке.

– Так что же с ним не так?

– С ним... Кстати, попробуй угадать название этой компании. Если тебе это удастся меньше чем за тысячу попыток, я превращусь в Золотую рыбку и выполню три твоих любых желания.

– Думаю, у меня желаний гораздо больше, – Стас начал медленно снимать с Веры пиджак. – И страшно подумать, сколько их станет сейчас.

– Тогда... я сдаюсь. "Новый свет". Как тебе такое?

– Невероятно... – закончив с пиджаком, Стас развернул Веру к себе лицом и стал одну за другой расстегивать пуговицы на ее блузке. – Просто невероятно...

Марк Рубан (Львов, Левандовка)

Громкий настойчивый стук в дверь раздался в тот самый момент, когда Марк решил отправиться спать. Это произошло в четверть первого ночи (он машинально глянул на часы в углу кухонного стола); завтра его дежурство, и это означало подъем в семь утра, так что подобные неожиданности совершенно не вписывались в планы Марка.

Направляясь к двери, он уже в который раз подумал о сбитой машиной старухе недалеко от его стоянки в прошлую смену. Перед тем как ступить на проезжую часть, та долго топталась у бровки тротуара, древняя и сухая, будто согнутая годами и грехами фурия; ее голова беспрестанно моталась из стороны в сторону от нервного тика, словно она все отрицает на Страшном суде. Именно ее долгое стояние на тротуаре и привлекло внимание Марка. А затем старуха шагнула. Прямо под колеса огромного, как танк, черного джипа. Марк был уверен, что она сделала это намеренно.

Он остановился у порога и прислушался, надеясь, что какой-нибудь забулдыга просто ошибся дверью, как уже не раз случалось раньше, когда сосед сверху или кто-то из его дружков забывали подняться по лестнице. Обычно Марк не тратил силы на объяснения, а сразу давал направляющий пинок в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Как ни странно, это всегда безотказно срабатывало – многолетний опыт работы охранником на автомобильной стоянке давно научил его не церемониться с теми, кто не способен самостоятельно вытащить член из штанов.

Стук раздался снова. Как показалось Марку, еще настойчивее и громче (хотя, возможно, причина заключалась в том, что теперь он стоял у самой двери). В этом стуке, напоминающем скорее череду быстрых ударов, было что-то нехорошее, тревожное, даже паническое. Так стучат, если хотят сообщить о пожаре или принести какую-то срочную дурную весть. Марк замешкался, поскольку стало совершенно очевидно, что это не его надравшийся сосед, живущий этажом выше, или кто-то из его друзей-собутельников со сломанным компасом в голове. Еще менее вероятно, что по нему вдруг заскучала одна из тех шлюшек, которых ему изредка удавалось подцепить в какой-нибудь дешевой коварне; обычно они не появлялись больше одного раза, и вряд ли кто-нибудь из них сумел бы отыскать к нему дорогу даже в светлое время суток.

В двери не было глазка, поэтому Марк осторожно приложил ухо к обивке, раздвигаясь между диктуемым любопытством стремлением выяснить, кто находится по другую сторону, и увещеваниями осторожности отправиться в постель, сделав вид, что хозяева либо давно спят, либо им нет никакого дела до непрошенных ночных гостей. И еще – эти чертовски неприятные воспоминания о погибшей под колесами джипа старухе... Яркие до мельчайших деталей, они с новой силой предстали перед глазами Марка, прижимающего ухо к двери в ночной тишине.

Нет, тишина не была полной. Он мог различить легкое дуновение ветра с улицы, далекий шелест листвы, гудение большой мухи вокруг лампочки, вкрученной над его дверью снаружи и освещающей внешний коридор и часть лестницы... и еще – чье-то сбивчивое дыхание. Очень близко. Затем Марк уловил, как некто, стоящий за дверью, издал звук, напоминающий всхлип.

– Кто там? – только услышав собственный голос, он понял, насколько сильно взволнован. – Кто...

Вместо ответа на его вопрос в дверь снова заколотили. Однако, несмотря на такую реакцию невидимого ночного визитера, рука Марка медленно потянулась к замку. Сердце несколько раз сжалось с такой силой, будто ему вдруг стало тесно в груди. Охватившее Марка волнение казалось до странности преувеличенным как на чей-то поздний визит (который почти наверняка случился по ошибке). Причина заключалась в ином – скорее это было похоже на *предчувствие*. Он взялся за ключ и дважды повернул в замке.

Как-то, пытаясь немного заработать на риэлторстве в свободное от дежурств на стоянке время, Марк рассказывал весьма небогатому клиенту, что настоящие "кавалерки" во всем своем великом многообразии существуют лишь во Львове – от просторных, имеющих в исключительных случаях до двух комнат, несмотря на отсутствие отдельной кухни, до совсем крошечных, лишенных не только прихожей, но и самых элементарных благ цивилизации. Однако именно эта их уникальная особенность давала возможность некоторым беднякам за довольно скромные деньги обрести крышу над головой, кусочек собственного суверенного пространства, огражденного от внешнего мира. По иронии, Марк сам уже семь лет являлся обладателем такого же не слишком приспособленного для жизни "островка", доставшегося в наследство от дальней престарелой родственницы (ее полное имя он узнал лишь при оформлении документов); в свое время именно это обстоятельство позволило ему прощально хлопнуть дверью родительского дома, где жизнь отличалась от войны лишь отсутствием демаркационной линии.

Марк заключил, что если бы кто-то из грабителей использовал подобный метод вторжения в чужую собственность, то вряд ли соблазнился бы его занюханной каморкой, – и толкнул дверь.

За секунду до того как открывающаяся дверь позволила увидеть того, кто за ней находился, мысленному взгляду Марка запоздало явился образ наркомана, готового на все ради очередной дозы, заносщего руку с чем-то тяжелым и опасным, чтобы нанести смертельный удар. Но наркоман вдруг превратился в маленькую, болезненно худую девушку в изрядно помятом легком платье. Марку хватило одного единственного мгновения понять, что она попала в беду.

– Меня преследуют... со мной хотят сделать что-то ужасное... – сказала девушка.

На вид ей было не больше двадцати, скорее даже лет семнадцать-восемнадцать, и если бы не ее вид, свидетельствующий, что девушка находится в состоянии крайней паники, Марк нашел бы ее симпатичной. Но единственная четкая мысль, которая его посетила в тот момент, была: какого хрена с ее платьем?

– Помогите мне! Я не знаю больше, куда идти...

На секунду промелькнувший образ замахивающегося наркомана показался Марку куда более реальным, чем стоящая на его пороге девушка. Голова как-то разом опустела, и он только молча отступил в сторону, приглашая ее внутрь. Девушка не заставила озвучивать этот недвусмысленный жест и тут же оказалась в квартире. Остановилась в центре комнаты, застыла на несколько мгновений, глядя прямо в пол и словно над чем-то раздумывая, затем резко повернулась к Марку. К Марку, который не мог поверить, что поступил столь безрассудно, пригласив к себе среди ночи в дом без всяких объяснений какую-то незнакомку, возможно, даже сумасшедшую.

– Двери! – громким шепотом произнесла она, – Скорее закройте... – широко раскрытые глаза девушки были устремлены в открытый дверной проем за спиной Марка, на щеках тускло блестели дорожки подсыхающих слез.

– Скорее же! – почти выкрикнула она, и Марк наконец повиновался.

Все так же молча он продолжал наблюдать, как девушка сбрасывает на пол легкие летние туфли с низким каблуком, забирается на диван прямо поверх скомканной постели, подбирая колени к груди и заключая себя в объятия, будто ужасно замерзла (что, впрочем, неудивительно, учитывая, насколько легко она была одета); ее мелко трясло. Марк, все еще пребывая в растерянности и глядя на прячущую в коленях лицо девушку, сделал два осторожных шага к дивану, когда в дверь вновь постучали. На сей раз – негромко и деликатно.

"Так не бывает, – подумал он. – Наверное, мне все это снится".

Девушка тут же вскинула голову:

– Не открывайте!

Стук повторился.

– Какого черта... – в раздражении бросил Марк и направился обратно к двери.

– НЕТ!

Не обращая больше внимания на девушку, Марк открыл дверь.

На пороге стоял высокий крупный мужчина лет сорока в безупречной белизны рубашке с короткими рукавами и хорошо отглаженных костюмных брюках темно-серого цвета; весь его облик сразу же вызвал у Марка ассоциацию с типичным офисным трудягой – таким добросовестным менеджером среднего звена в какой-нибудь коммерческой фирме, который любит подолгу задерживаться после работы, чтобы угодить начальству. Сходство усиливалось усталым, но вежливым выражением на лице мужчины, будто тот собирается ему что-то продать в самом конце тяжелого понедельника.

– Простите за столь позднее беспокойство, но к вам только что вошла молодая девушка, – мужчина бросил взгляд через плечо Марка, откуда был виден диван, а значит и сама девушка.

Марк оглянулся, невольно прослеживая траекторию его взгляда. Девушка застыла в неестественно прямой позе и тоже смотрела на мужчину с более чем странным выражением, в котором присутствовали одновременно неприкрытый ужас и отвращение. И еще что-то такое, что вызвало у Марка тяжелое и чертовски гадкое ощущение под ложечкой.

Он вновь повернулся к мужчине:

– Что все это значит?

– Видите ли, – сказал "менеджер", – дело в том, что это – моя жена. И она сейчас немного не в себе. Не так давно ей пришлось пережить смерть своей матери. Мы возвращались домой от друзей и слегка повздорили... Это всего лишь нервный срыв.

– Не верьте ему! – крикнула девушка.

– Мне крайне неловко, что приходится вас вмешивать в эту неприятную историю, – продолжил мужчина, не обратив никакого внимания на ее слова. – Такое уже случалось и раньше. Позвольте мне поговорить с ней.

– Ах вот оно что... – пробормотал Марк, испытывая несказанное облегчение от того, что все разом встало на свои места.

– Не разрешайте ему войти! – девушка вскочила на ноги, сбросив подушку с дивана, и начала пятиться назад, пока не уперлась спиной в стену.

– Послушайте, – Марк воздел обе руки в умиротворяющем жесте. – Это совершенно не мое дело, и я не собираюсь в него вмешиваться. Я просто хочу, чтобы вы как можно скорее оставили меня в покое и оба убрались отсюда.

– Наши желания абсолютно совпадают, – заверил мужчину. – Только дайте мне поговорить с женой. Всего несколько слов.

– Он врет, – повторила девушка. – Он мне не муж, я его вообще едва знаю.

– Вот что, – решительно заговорил Марк. – Я даю вам ровно одну минуту, чтобы...

– Нет! Ради Бога, не позволяйте ему войти! – взгляд девушки заметался по комнате, явно в поисках какой-то конкретной вещи. – Где... моя сумочка? Там паспорт, я могу доказать, что он лжет... О господи... – ее ноги вдруг подогнулись, и она бессильно опустилась на диван с таким обреченным выражением лица, какое Марку никогда раньше не доводилось видеть.

– Машина... господи, я оставила ее в машине...

– Вот видите, – снисходительно улыбнулся Марку стоящий на пороге мужчина.

Тот ответил кивком и обернулся к девушке:

– Думаю, он прав. Будет лучше, если вы успокоитесь и поговорите.

– Идиот... – произнесла она с внезапной злобой и твердостью в голосе. – Если ты позволишь ему войти – мы оба умрем.

– Что? – уставился на нее Марк.

– Тогда спроси у него, почему он до сих пор не сделал этого сам.

Марк с сомнением перевел взгляд на мужчину, стоящего всего в полушаге перед ним. Тот был на целую голову выше и намного мощнее: если бы он попытался войти, Марку вряд ли бы удалось воспрепятствовать этому. Мужчина, похожий на менеджера, глядел на него в упор холодным ничего не выражающим взглядом.

– Если вы действительно ее муж...

– Просто дай мне войти.

– Чего-то я не понимаю... – Марк отступил назад, ему вновь стало не по себе. Но не так, как в момент появления девушки – иначе. Он вдруг почувствовал себя персонажем какого-то дикого сюрреалистического действия, сюжет которого был начисто сокрыт от его понимания. И опять в который раз перед его глазами возник образ кровавых останков старухи, размазанных по темной от дождя мостовой.

– Что все это значит?

– Дай. Мне. Войти.

Марк отступил еще на шаг назад.

– Посмотри, да посмотри же на него! – насмешка и презрение в голосе девушки неожиданно взяли верх над страхом. – Он не может! Не может!

– Да что за блядство тут происходит... – Марк переводил взгляд то на девушку, то на мужчину, застывшего у порога, словно манекен по другую сторону витрины. Неестественно бледная кожа так натянулась на его скулах, что стала казаться почти прозрачной, глаза потускнели, как у старой, забытой на веки куклы.

– Впусти меня.

Отступив еще на шаг вглубь комнаты, Марк услышал, как что-то ударилось об оконное стекло с внешней стороны. Девушка вскрикнула.

Он быстро приблизился к окну и отдернул штору. С обратной стороны к стеклу прижилось чье-то белое лицо, расплываясь в гримасе сияющего улыбнуться мертвеца. И хотя это больше походило на гротескную резиновую маску, чем на лицо, Марк каким-то образом почувствовал, что это вовсе не маска. Но если это была не маска, то...

– Ты должен впустить нас, – донеслось с порога.

Он бросил мимолетный взгляд на дверь, где в прежней позе стояла застывшая фигура, а когда снова повернулся, белое лицо в окне уже исчезло, словно мираж из ночного кошмара.

– Это они преследовали тебя? – спросил Марк у девушки.

Та еле заметно кивнула.

– У тебя есть мобильный?

– Он остался... в сумочке.

Чертыхнувшись с досады, Марк сделал усилие, старясь заставить себя хотя бы на несколько секунд нормально соображать.

– Нет, она останется здесь, – бросил он стоящему на пороге. – А если ты сейчас же не уберешься, я подыму такой шум, что сбежится весь дом.

– Это ничего не изменит. Она наша. А теперь – и ты.

Мужчина быстро развернулся и направился прочь. Марк с удивлением понял, что почему-то не слышит его шагов. Осторожно двинулся к двери и выглянул в коридор.

Никого. И никакого шума с улицы.

Марк закрыл дверь, обернув ключ в замке на оба поворота, затем сел прямо на пол перед диваном и обнаружил, что дрожит всем телом от пережитого напряжения.

– Спасибо... – едва слышно произнесла девушка.

– Как тебя зовут?

– Белла.

– Меня – Марк.

– Они еще вернутся...

– Ладно, мне кто-нибудь, наконец, объяснит, что здесь произошло? – Марк настойчиво старался поймать ее взгляд. – Что им нужно от тебя? Кто – "они"? Кто они такие?

– Вампиры.

Белла (Львов, Левандовка)

– Мы приехали сюда, чтобы открыть филиал компании. Два дня назад... – Белла по-прежнему сидела на диване, поджав под себя ноги, и хотя выглядела уже гораздо спокойнее, выражение страха то и дело наполняло ее глаза, словно тот просачивался откуда-то изнутри, как ключ, пробивающийся на поверхность из темных отравленных источников. – Нас было десять человек. Двое старших менеджеров фирмы, «бриллиантов» – так их у нас называют, – двое их помощников и шестеро новичков. Кроме меня, была еще одна девушка.

– Ты сказала, "бриллиантов"? То есть вы из какой-то сетевой компании? Обычно это у них заведено играть во все эти штучки, – заметил Марк.

– Да, сетевая компания, называется "Новый свет". Появилась совсем недавно и... кажется, очень быстро растет. Только сейчас я уже не уверена, что в этом есть что-то хорошее.

– А тот человек, который пришел за тобой – он один из этих... "бриллиантов"?

Белла кивнула:

– А тот, которого ты видел в окне, кажется, его помощник. Я так думаю, потому что он... он изменился.

– Как насчет кофе? – предложил Марк, ставя алюминиевый ковш с водой на плиту, встроенную в газовый очаг, который одновременно выполнял функцию обогревающего устройства, и подкрутил вентиль на большую мощность; изнутри послышался гул усилившегося пламени. – Лично я бы не отказался.

– Я тоже, – вымучено улыбнулась Белла. Однако улыбка тут же бесследно исчезла с ее губ.

– Что значит, "он изменился"?

– Мне так показалось. Я не знаю, как сказать точнее... но он изменился, как будто стал другим с приходом темноты. Внешне. И не только внешне.

– Знаешь, – со скептической усмешкой произнес Марк, – я успел довольно хорошо рассмотреть этого мудака у себя на пороге и не заметил в нем ничего особенного. Разве только под конец, когда он здорово разозлился... Похоже, он просто псих. Мне и раньше не раз доводилось встречать таких.

– Сама не понимаю, почему он и тот, второй "бриллиант", оставались почти такими же, как всегда. Но ты же сам видел другого, в окне.

– Я даже не успел его толком разглядеть, если честно, к тому же было очень темно.

– Ты что, мне не веришь?! – у Беллы от возмущения даже заалели щеки. – После всего, что здесь случилось, ты мне *не веришь*?

– Послушай, – примирительным тоном сказал Марк, – допустим, в вашу группу затесалась парочка психов. Допустим, они стали себя как-то странно вести. Но лично я ничего особо *сверхъестественного* не наблюдал, если не считать девушки, врывающейся среди ночи в чужой дом и прыгающей в одежде прямо на постель. При чем здесь вампиры?

– Они не могли переступить порог без твоего приглашения.

– И что это доказывает? Они всего лишь понимали, что если войдут, подымется шум. Разве не потому они сразу же так шустро ретировались, когда я пригрозил это сделать?

– Ты слышал шаги, когда он уходил?

– Шаги? Ты о чем?

Тяжело вздохнув, Белла целиком погрузилась в созерцание своих ногтей. Марк заметил, что на указательном и большом пальце правой руки они были обломаны и торчали неровными заостренными углами.

– Дело не только в том, что произошло именно этой ночью, – после долгой паузы заговорила Белла. Марк успел приготовить растворимый кофе на двоих и, сев за стол, примыкающий

к изножью дивана, усталился себе в чашку. – Всякие странности начались гораздо раньше, еще в Киеве. Просто этой ночью все окончательно стало на свои места.

– Какие еще странности? И что же такого успело произойти этой ночью до того, как ты здесь появилась?

– Да именно это я и пытаюсь тебе рассказать все время!

– Хорошо, давай тогда с самого начала: что это за люди и как тебя угораздило связаться с ними?

– Помнишь, я говорила еще об одной девушке, которая приехала со мной?

Марк кивнул и подул на горячий кофе.

– Я уверена, что они ее либо убили, либо сделали одной из них.

– Вот как?

– Ладно, подожди... – всплеснула рукой Белла, будто отгоняя муху. – С начала, так с начала.

* * *

– Мои родители умерли около года назад. Почти в одно время – отец поздней осенью, мама в начале зимы. Так что кое в чем он тебе не соврал...

Марк покачал головой, но ничего не сказал. А затем все-таки не удержался:

– Что произошло?

– Они оба были алкоголиками. Точнее... отец пил, сколько я себя помню, а мама пыталась бороться с бутылкой, как могла – тянула одна всю семью, нас с сестрой, бабушку и старалась не дать отцу окончательно утратить человеческий облик. А несколько лет назад вдруг сломалась и присоединилась к нему. Никогда раньше не видела, чтобы она прикасалась к спиртному... Это было жутко, самое страшное превращение, которое мне довелось увидеть в жизни. Даже хуже, чем...

Марк решил, что она сейчас заплачет, но Белла секунду помолчала и лишь горько усмехнулась:

– Сестра – она старше меня на пять лет – выскочила замуж за первого, кто был в состоянии увести ее из нашего дома, хотя потом и старалась меня изо всех сил убедить, что это не так. Нет, я вовсе не хочу винить сестру за то, что она использовала какого-то парня в роли пожарного батута (я с ним, кстати, толком даже не знакома), чтобы удрать из горящего дома, просто уже это был не тот дом, который мы всегда знали, в котором выросли. И это уже не были наши родители. Только одному Богу, если он есть, ведомо, чего мне стоило закончить университет.

После свадьбы сестра так и не появилась больше, только звонила примерно раз в полгода, чтобы перекинуться со мной парой слов. Я осталась одна. Ника не пожелала прийти даже на похороны, так, словно она уже давно считала их мертвыми. Для нее это были похороны воспоминаний...

А на третий или четвертый день вдруг явились кредиторы. Оказалось, мои родители задолжали огромную сумму, которая росла не один год. Я ничего не знала об этом. Но... там были расписки, сделанные их рукой. У меня, конечно же, не было таких денег...

– И как же ты поступила?

– Сестра дала официальное согласие на продажу нашей квартиры на Печерске, у нас была прекрасная квартира. Единственное участие, которое она проявила... Всем остальным пришлось заниматься мне одной. Я раздала долги родителей и купила себе маленькую квартирку на Левом берегу Днепра, в Старой Дарнице. Еще у меня осталась некоторая сумма, чтобы скромно жить на проценты.

Когда все, наконец, утряслось, я поняла, что все старые планы, мечты... в общем, все то, что не позволяло мне раньше сойти с ума, будто куда-то испарилось. Я не знала, что делать, и

впала в долгую депрессию. Наконец, купила компьютер и целыми днями просиживала в интернете, тусовалась на всяческих форумах, обсуждала вопросы и проблемы, до которых мне не было дела, словно хотела всем этим заменить свою собственную жизнь. Литературные порталы были единственным, что мне нравилось по-настоящему – я с детства люблю стихи, хотя сама их никогда не писала...

Но худшее... Я начала думать, что вскоре тоже должна умереть, была уверена. Через неделю после переезда эти мысли стали преследовать меня постоянно.

– Какие мысли? – спросил Марк.

– О болезнях. О всяких ужасных вирусах в стакане воды, о смертельных излучениях, которые все время меня окружают и разбедают, как невидимый яд, и прочих гадостях. На несколько месяцев я даже избавилась от своего мобильного телефона. Каждую минуту, когда я сидела перед монитором компьютера, то подспудно думала о лучах, которые пронизывают мое тело... мне и вправду иногда казалось, что слышно, как умирают клетки. Или где-то там внутри, в желудке или мозгу, пускают щупальца метастазы... Такие тонкие и почему-то похожие на паучьи лапы. Я начала бояться даже солнца и почти перестала выходить на улицу. Каждую ночь мне снились кошмары, и сейчас еще снятся – то я сижу в огромном кабинете и выслушиваю приговор врача, то совсем одна сдыхаю в реанимации от какой-то жуткой заразы, и никто не приходит. Однажды мне приснилось, будто я очнулась в морге, совершенно голая, под какой-то грязной простыней, начала стучать в запертую дверь и орать, что произошла ошибка, а потом опустила глаза вниз и увидела, что меня уже вскрывали...

Ничего такого со мной раньше не происходило, не было такой глупой мнительности и навязчивых мыслей, я хочу сказать.

– Знаешь, – медленно произнес Марк, – ты совсем не показалась мне ...

– Безумной истеричкой? Конечно, так я и поверила после всего!

– Нет... нет, конечно. Ничего подобного. Эти люди... просто они тебя здорово напугали, вот и все. Тем более...

– Да брось ты. Это здесь совершенно ни при чем. Что бы я не пережила в последнее время, оно не имеет никакого отношения к... Короче, я видела то, что видела, и знаю то, что знаю.

Так вот, однажды я не выдержала – это было примерно месяц назад – и поделилась в ай-си-кью с одним человеком, с которым давно была знакома по нескольким литературным форумам, мы с ним иногда обменивались личными сообщениями. Ну, приятный такой мужчина, уже немного в возрасте, бывший военный или пожарный, что-то в этом роде. Виктор, он вообще мне как-то с самого начала imponировал, вызывал доверие. Может, потому, что никогда не закидывал разных наводящих вопросов, не старался разнюхать, что его не касалось или как я выгляжу... Поэтому я все ему рассказала. Мне просто было необходимо с кем-то поделиться в тот момент. Сестра не в счет, она никогда не пыталась даже играть хорошего слушателя. А мне так хотелось поговорить с кем-то, кого я знаю, но в то же время, кем-то далеким, кого я никогда не встречу в реале, ну, в настоящей жизни, и мне потом не придется... испытывать стыд за свою слабость, за все те слова.

Виктор с ума сходит по своему внуку, и когда я ему рассказала о себе, то боялась услышать какой-нибудь бредовый совет, из тех, какие часто говорят в подобных случаях, но он вдруг признался, что и сам боится чего-то такого, но не за себя, а за мальчика. А потом даже рассказал об одном неприятном эпизоде, который с ним недавно случился, и добавил, что я единственный человек, знающий об этом. Они с внуком гуляли на детской площадке, и Виктор вдруг увидел, что мальчик бежит к нему весь в крови. Бежит и смеется. Он сказал, что это было вроде какого-то видения и что он не испытал такого потрясения даже когда на его глазах погиб лучший друг, пытаясь вынести человека из горящего дома. Да, теперь я точно вспомнила, он бывший пожарный. Еще Виктор сказал, что, возможно, ему все это показалось из-за солнца

– знаешь, иногда такое явление можно наблюдать в начале летнего вечера, когда все вдруг на несколько минут становится... э-э, немного странным, будто погруженным в оранжевое сияние. А тот вечер был именно таким.

– Оранжевое сияние... – рассеянно проговорил Марк, так, словно пытаясь о чем-то вспомнить, о чем-то, потревоженном этими словами. Его взгляд метнулся к той точке на полу, где еще оставались видны светло-бурые следы пятнышек крови, но это ничего не дало.

– После разговора с Виктором мне стало немного легче, и вообще я была ему страшно благодарна, но больше к той теме мы не возвращались. Наверное, если бы не такая большая разница в возрасте, я б сказала, что мы стали друзьями. Хотя, может, так оно и было, в некотором смысле. А потом он вдруг куда-то исчез. Я решила, что он заболел или у него просто сломался компьютер.

Белла, спохватившись, подалась в сторону Марка:

– Твой компьютер... он подключен к интернету?

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет?..

– И компьютера тоже нет.

– Как жаль... – разочарованно протянула Белла, затем с любопытством осмотрелась, будто ей только сейчас пришло в голову обратить внимание на место, в которое ее занесло. Впрочем, так оно и было.

– Знаю, моя нора выглядит убого, – пожал плечами Марк, словно извиняясь перед своей ночной гостьей, и впервые испытывая подобную неловкость за свою каморку. – Ну, да... я тут живу.

– Уютная нора, – немного грустно улыбнулась Белла, заметив его смущение.

– Хочешь еще кофе? – предложил Марк.

– Не откажусь.

После того как Марк поставил нагреваться воду, Белла продолжила:

– Так вот. Несколько дней назад Виктор снова объявился и сообщил, что за это время с ним произошло нечто чрезвычайно важное. Нет, он сказал, *великое*. Именно так и сказал. И что теперь ему нечего бояться. Что-то еще говорил и так быстро набирал текст, что я подумала, у него по десять пальцев на каждой руке. Но Виктор не сказал, что именно с ним произошло. Станный был разговор, но мое любопытство от этого разожглось только сильнее. Поэтому когда он предложил встретиться, я легко согласилась. Не стоило... это была огромная глупость. Я не должна была туда приходить.

– Куда? – прекратив рассыпать кофе по чашкам, поднял голову Марк.

– На презентацию этой долбанной компании "Новый свет". Понимаешь, Виктор сказал, что нашел себе отличное занятие, которое позволит ему помогать дочери с зятем и при этом дальше проводить много времени с внуком. Нашел в этой самой компании. Он сказал, что очередная презентация состоится завтра, а мы как раз собирались встретиться на следующий день, и что, если мне интересно, я могу на нее придти, а затем мы куда-нибудь отправимся погулять и поговорим. Я была совсем не против, ведь уже и не помнила, когда выбиралась последний раз из дому. И на следующий день приехала туда. Довольно странный офис, расположен прямо в жилом доме, правда, раз или два я такие уже встречала. Виктора у входа не было. Я обнаружила, что опоздала минут на десять, и подумала, он в зале. Зашла внутрь и села в последнем ряду.

Было человек сорок, самые разные люди. У некоторых возникли срочные дела, но большинство осталось. Лично мне все эти идеи эм-эл-эм показались довольно интересными, и я тоже решила послушать до конца, тем более, все равно собиралась дожждаться Виктора. Очень хотелось узнать, что такого с ним стряслось, да и вообще познакомиться лично после долгого

виртуального общения. Правда, я никак не могла его разглядеть в зале, но особо не беспокоилась, потому что имела о его внешности очень приблизительное представление.

Выступили несколько лидеров их сети, потом толкнул речь президент компании, очень, кстати, убедительную, ("Ага, они это умеют", – вставил Марк), много шутил, рассказывал забавные примеры из жизни. Я даже смеялась...

Белла сделала глоток уже немного поостывшего кофе.

– Там еще была одна женщина. Но она не выступала.

– Что за женщина?

– Не знаю, я видела ее только со спины, она сидела далеко, в первом ряду, и за все время ни разу не оглянулась. Не понять даже, сколько ей – может, лет тридцать, а может, уже за пятьдесят... Но знаешь, что мне показалось? Что на самом деле главная у них именно она. Как бы правильнее это сказать... ну, поняла и все. Может, из-за какого-то особого отношения к ней всех остальных. Хотя она почти ни с кем не говорила, просто сидела в первом ряду, присутствовала. Странно, да?

Марк только пожал плечами, не особо представляя, как можно с расстояния во весь зал ощутить отношение окружающих к какому-то конкретному человеку. Однако его мысли быстро переключились в другом направлении:

– Хочешь сказать, она может быть как-то связана с твоими нынешними проблемами?

Белла собиралась что-то быстро ответить, но сдержалась, задумчиво смерила скептическое выражение Марка и сделала еще один неторопливый глоток кофе.

– Не знаю, – наконец произнесла она. – Я не знаю.

– Ладно, что было потом?

– В конце всем раздали анкеты с вопросами. Я собиралась было отказаться, но тут зазвонил мобильный. Это оказался Виктор. Не помню, чтобы я оставляла ему свой номер, но, похоже, он нашел его в моем профайле ай-си-кью. Извинился за сорванную встречу, объяснил, что подхватил грипп, спросил, не было ли мне скучно на презентации, и мы перенесли встречу на другой раз. Когда отключила телефон, увидела, что народу в зале почти не осталось. Та женщина тоже ушла. Осталась я и еще пару человек, которые решили заполнить анкеты. Я вспомнила о своей и вдруг подумала: почему бы и нет?

На следующий день мне позвонили и сказали, что я их устраиваю (Марк хмыкнул), напомнили условия и все такое и предложили заехать, чтобы подписать договор.

Я не стала тянуть и приехала в тот же день. Общался со мной один из "бриллиантов", Роберт, который выступал как раз перед их президентом, поэтому я хорошо его запомнила, и... это был тот самый, ты его видел сегодня...

Марк кивнул.

– Он спросил, собираюсь ли я сделать карьеру в их бизнесе или стать простым участником. Я ответила, что пока еще не решила. Но на самом деле подумала, может, мне и правда стоит заняться этим всерьез. У меня остались кое-какие средства, чтобы не торопиться с работой, но я до чертиков устала от жизни, которую вела после смерти родителей... Похоже, он что-то такое уловил в моем тоне, потому что вдруг предложил мне поехать в его группу, которая через три дня должна была отправиться во Львов для открытия их филиала. "Сеятели", так он сказал, "мы – те, кто даст первые всходы". Тупо звучит, конечно, но мне почему-то все равно понравилось. Я обещала подумать. Потом заполнила контракт... О господи!

Белла с ужасом воззрилась на Марка.

– Что такое?

– Виктор... Они с самого начала знали обо мне все.

Марк не отводил от нее вопросительного взгляда.

– Контракт... Там есть один важный пункт, об информационном спонсорстве. Он нужен для сохранения последовательности в сети – это главный принцип, на котором строится вся их система. В нем обязательно указывается, кто стоит над тобой.

– И что же?

– Я тогда не придавала этому значения и сразу забыла. А сейчас... О Викторе я и словом никому не обмолвилась и даже ему ничего не успела сказать. Но, когда я подписала договор, в том пункте уже стояло его имя. Понимаешь?

На минуту воцарилось молчание, и было слышно лишь тиканье настольных часов.

– Похоже, тебя вели, – заключил Марк.

За окном раздался шорох, потом крупные капли ударили по жести подоконника, грохнуло и сверкнуло, перекрасив на миг шторы в ярко-оранжевый цвет и осветив за ними причудливо искаженный абрис оконной рамы.

– Мы – два "бриллианта", я и еще одна девушка, Жанна, – приехали вчера в обед утренним экспрессом, а "рубины" и четверо новеньких парней немного раньше ночным поездом, – продолжила Белла. В целом выглядела она уже спокойнее, хотя время от времени Марк отмечал, как подрагивают ее плечи. Гроза за окном уже разразилась вовсю.

– Наша группа поселилась недалеко от центра города в большом отеле, с таким коротким названием, не помню...

– "Жорж"? – подсказал Марк.

– Угу, точно. Знаешь, меня еще тогда удивило одно обстоятельство. В отеле случился большой наплыв постояльцев из-за какого-то крупного научного симпозиума, мелькало много иностранцев, и поэтому все одноместные номера оказались уже заняты. Остались только двухместные, но нас с Жанной почему-то поселили в разных номерах. Я еще подумала о ненужных расходах, даже собиралась сказать кому-то из старших, но потом решила, что это не моя забота.

Вечером, после совещания в "люксе" Роберта и другого "бриллианта", не помню его имени, осталась еще уйма времени, и мы с Жанной прогулялись по городу, посмотрели оперный театр, заглянули в маленькое симпатичное кафе, которые тут на каждом шагу, а потом вернулись в отель и отправились по своим номерам.

Заняться особо было нечем, и я решила пораньше лечь спать. Но около одиннадцати проснулась от кошмара. Снова привиделась всякая дрянь... Мне страшно не хотелось засыпать одной в своем номере, и я надумала перебраться к Жанне. У нее ведь тоже был двухместный номер, и я не сомневалась, что она окажется совсем не против, если я составлю ей компанию. В общем, я решила, что это отличная мысль. Собрала вещи и отправилась в ее номер на другом конце коридора. А потом...

Подбородок Беллы судорожно затрясся, она спрятала лицо у себя в коленях и расплакалась. Марк посчитал за лучшее пока оставить все успокаивающие слова при себе и позволить девушке выплеснуть эмоции. Он мог не верить в некоторые из ее утверждений, однако несколько не сомневался, что этой ночью ей пришлось пережить нечто такое, что ее глубоко потрясло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.